

Наследный принц бросил на него короткий взгляд и, вернувшись на почетное место, произнес:

— Для начала скажи: почему ты выбрал именно эти стихи?

Сун Чжи плотно сжал губы. Он до предела напряг челюсть. Там, где никто не видел, по спине уже струился холодный пот.

— Говори как есть, — добавил Наследный принц. — Я не стану тебя винить.

Он славился своей милосердностью и почтением к родителям; если он обещал не карать — значит, так тому и быть.

Лишь тогда Сун Чжи отвесил земной поклон и, собравшись с духом, проговорил:

— Ничтожный не смел и помыслить о том, чтобы беречь печальные раны в сердце Вашего Высочества. Но когда Вы приказали написать что-нибудь по своему усмотрению... Я рано лишился отца и матери. Лишь Сю-нян относилась ко мне как к родному сыну, долгие годы окружая заботой. Всем, что я имею сегодня, я обязан ей. Она стала мне матерью, и я в вечном долгу перед ней за то, что она меня вырастила.

Сун Чжи перевел дух и продолжил:

— В тот миг я вспомнил эти строки, желая выразить благодарность Сю-нян, и невольно задел чувства Вашего Высочества. Я заслуживаю десяти тысяч смертей!

Речь его звучала искренне. Сун Чжи так проникновенно расписал тяготы, которые Сю-нян пришлось перенести ради него, что Наследный принц невольно вспомнил покойную императрицу Чаби. Сердце его смягчилось.

— В тебе живет благодарность, — с чувством произнес он. — И это похвально. Пусть эта женщина не родная тебе по крови, она приняла тебя как своего. Если бы все люди в Поднебесной так же чтит заповеди сыновнего благочестия и знали цену добру, в мире было бы куда меньше трагедий.

Услышав это, Сун Чжи втайне перевел дух и незаметно вытер вспотевшие ладони о рукава. Он не лгал, однако положение Наследного принца было слишком особенным. Никто в здравом уме или без тайного умысла не стал бы декламировать подобные стихи перед будущим императором.

Сун Чжи давно слышал о славе Наследного принца: о его любви к конфуцианству, покровительстве ученым и широте души. Обо всем этом знала каждая душа в империи Великая Юань. Но он вовсе не стремился выслужиться перед принцем, как заподозрил Мэн Хуань. Он лишь надеялся, что если удастся заручиться благоволением Его Высочества, он сможет

наконец вырваться из рук офицера Мэна.

— Хацзиэр, этот твой ученый обладает добрым сердцем, — обратился принц к Мэн Хуаню, совладав с чувствами.

Мэн Хуань, который до этого момента метал громы и молнии, мгновенно преобразился. Он почтительно улыбнулся и ответил:

— Когда перед взором подданных стоит такой пример сыновней почтительности, как Ваше Высочество, народ сам стремится следовать этому пути.

Наследный принц улыбнулся и снова посмотрел на Сун Чжи:

— Ты говорил, что бедность мешает тебе продолжать учение. Но раз в тебе живет жажда знаний, а каллиграфия твоя столь искусна, негоже губить такой талант.

Он бросил взгляд на Мэн Хуаня. Хоть юноша и приглянулся ему, принц не привык отнимать чужое, если владелец сам не предлагал дар.

— Хацзиэр, раз этот человек живет в твоём доме, не позволяй ему прозябать в неизвестности.

Это было прямое указание — Мэн Хуань должен был проявить к Сун Чжи особое внимание. Офицер с готовностью склонил голову, принимая приказ.

В этот момент рослый телохранитель, стоявший за спиной принца — китаец, статный и плечистый, словно монгол, с приметной родинкой над левой бровью — склонился и что-то прошептал Наследному принцу на ухо.

Принц кивнул и поднялся.

— Уже поздно, а у меня еще много дел. Не смею больше злоупотреблять вашим гостеприимством.

Мэн Хуань глубоко поклонился:

— Почтительно провожаю Ваше Высочество.

Чомань вцепилась в руку принца:

— Дядя, у тебя вечно дела! Ты занят даже больше, чем отец. Неужели ты не можешь побыть со мной подольше?

Наследный принц ласково коснулся кончика ее носа:

— Будь умницей, Чомань. Приезжай в Восточный дворец на Новый год, и я обязательно поиграю с тобой. Попрошу и сестер составить тебе компанию.

Девочка просияла:

— Дядя, ты обещаешь?

— Я — Наследный принц, — подтвердил он. — Мое слово твердо, как скала.

Чомань поспешила за ним:

— Я провожу тебя!

Стоило принцу и девочке скрыться из виду, как Мэн Хуань мгновенно помрачнел. В порыве ярости он схватил со стола первый попавшийся предмет и с силой швырнул его в Сун Чжи.

Ученый не успел уклониться. Тяжелый предмет ударил его прямо в лоб. Сун Чжи покачнулся и рухнул на колени. Из рассеченной раны тут же брызнула кровь, смешиваясь с черной тушью. Грязная жижа потекла по лицу, пачкая чистые одежды. Тем самым предметом оказалась массивная каменная чернильница.

— На колени! — ледяным тоном скомандовал Мэн Хуань.

Сун Чжи смахнул кровь, заливавшую глаза. В голове гудело, перед взором все плыло алым маревом. Превозмогая дурноту, он с трудом выровнялся и склонился перед хозяином дома. Его лоб почти касался пола. Слезы, выступившие от боли, падали на землю, смешиваясь с кровью и чернилами в причудливое багровое пятно.

— А я-то тебя недооценил, — процедил Мэн Хуань, подходя ближе. — Решил строить козни прямо у меня под носом? Захотел пристроиться к Наследнику?

Сун Чжи попытался возразить, но из горла вырвался лишь хрип.

— Раньше-то ты что говорил? Не желаю, мол, служить захватчикам, я слишком благороден для этого! — Мэн Хуань присел перед ним на корточки и, грубо схватив за подбородок, заставил поднять голову. Пальцы офицера впились в кожу с такой силой, что Сун Чжи показалось — челюсть сейчас хрустнет.

Вглядываясь в это изысканное, даже в крови и грязи прекрасное лицо, Мэн Хуань усмехнулся:

— Я-то думал, в тебе и впрямь есть стальной стержень, а ты — обычная дрянь!

Он резко разжал пальцы и тут же нанес хлесткую пощечину. Удар был такой силы, что голова Сун Чжи мотнулась в сторону. Щека мгновенно вспухла и запылала.

— Твердил мне про «диких варваров»... Если бы принц услышал твои речи, ты бы и до рассвета не дожил!

Цино, стоявший поодаль, вставил:

— Молодой господин, зачем вы мараете о него руки? Посмотрите, он же весь в крови и саже.

Мэн Хуань бросил на слугу такой взгляд, что тот мигом прикусил язык. Немного остыв, офицер спросил:

— Отвечай: зачем ты пришел в малый зал? Кто нашептал тебе, что принц здесь, или ты сам вынюхивал, чтобы выскочить в нужный момент?

Наконец Сун Чжи понял, в чем его винят. В его душе гнев смешался с унижением и горькой иронией. Он поднял взгляд на Мэн Хуаня и слабо, вызывающе усмехнулся.

— Умная птица сама выбирает дерево, на котором совет гнездо... Какие у офицера Мэна могут быть вопросы?

И именно в этот миг, встретив этот взгляд, Мэн Хуань осознал: он уже видел эти глаза.

Где же?

Мэн Хуань нахмурился. Точно не в Даду. В столице он вращался лишь среди знати и редко сталкивался с простолюдинами. Внезапное озарение вспыхнуло в его памяти, словно молния.

— Тебя ведь спас правый советник Чжан четыре года назад? И привез сюда?

— Где ты был четыре года назад?

Сун Чжи отвернулся, сплюнув кровь:

— Какое тебе дело?

Мэн Хуань продолжал лихорадочно вспоминать. Его взгляд упал на валявшуюся на полу

чернильницу.

Камень...

Это лицо... Эти глаза... В тот раз в руках того человека тоже был камень. Обычный булыжник.

— Уезд Пуцзян? — выдохнул Мэн Хуань.

Ну конечно! Четыре года назад военачальник Худуху был назначен наместником в Цзясин, а затем — комиссаром в Хуанчжоу. Мэн Хуаню тогда едва исполнилось пятнадцать. Он кочевал с армией, но так и не познал настоящего вкуса битвы. В тот день, проезжая через Пуцзян, он был в скверном расположении духа и в гневе приказал казнить нескольких мародеров-солдат, нарушивших приказ. Рядом с ними тогда стоял китайский мальчишка. Точно такой же, как этот Сун Чжи.

Его лицо было в грязи. Он дрожал от страха, но не желал сдаваться или молить о пощаде. В его кулаке был зажат острый камень, а он с яростной решимостью не отрывал взгляда от всадника.

— Так это ты? Тот самый мальчишка, которому я сохранил жизнь? — спросил Мэн Хуань.

Сун Чжи лишь сильнее сжал губы и промолчал. Строго говоря, офицер не лгал: если бы не его вмешательство, те солдаты наверняка бы убили ребенка.

Мэн Хуань не собирался предаваться воспоминаниям — им было нечего вспоминать, кроме крови и грязи. Теперь он наконец понял, откуда взялось это чувство дежавю. Тот заморыш из Пуцзяна почти стерся из его памяти, но сейчас, глядя на окровавленного Сун Чжи, Мэн Хуань видел в нем того самого оборвыша.

— Я спас тебя, и такова твоя благодарность? Хм, «умная птица выбирает дерево»? Предательство хозяина ради выгоды... Я мог бы убить тебя прямо здесь, и никто бы слова не сказал.

Южане были до ужаса хрупкими — одно касание, и уже синяк. Мэн Хуань не хотел больше возиться с Сун Чжи, чтобы не искалечить его окончательно, ведь теперь за него придется держать ответ перед принцем.

— Пошел прочь. И чтоб глаза мои тебя не видели.

Сун Чжи прикусил губу и, вытерев рукавом кровь со лба, выдавил:

— Благодарю, молодой господин.

Он попытался встать, но мир перед глазами качнулся. Ноги подкосились, и он едва не рухнул, рискуя разбить голову о край стола. Мэн Хуань вовремя подхватил его. Офицер поморщился, но не оттолкнул его, даже когда кровь и тушь испачкали его богатые одежды. Он помог Сун Чжи обрести опору.

— Ближайшие пару дней можешь не приходить в кабинет.

Затем он бросил Цино:

— Отнеси ему мазь.

Слуга недовольно проворчал про себя: «Сам избил, а мне теперь лекарства таскай»

— Благодарю, — повторил Сун Чжи и, пошатываясь, побрел к себе.

На полпути он столкнулся с молодой красавицей. У нее были светлая кожа, глубоко посаженные глаза и слегка вьющиеся волосы. Увидев израненного ученого, она ахнула.

— Ацила, — обратилась она к служанке, — проводи господина Суна в его комнату. Я сама найду молодого господина.

Ацила, худощавая девчушка с россыпью веснушек на лице, от испуга побледнела. Она поспешно подхватила Сун Чжи под руку:

— Господин Сун, осторожнее. Обопритесь на меня.

Сун Чжи взглянул на нее и вымученно улыбнулся:

— Спасибо.

Ацила оказалась доброй душой. Доведя его до комнаты, она не бросила его, а принесла чистой воды и бережно отмыла лицо от крови и туши.

— У вас есть лекарство? — спросила она. — Если нет, я сбегаю за своим.

Сун Чжи хотел было ответить, но дверь со скрипом отворилась. На пороге стоял Цино.

— Сун Цзилань, вот твоя мазь.

Ацила подбежала к нему и приняла пузырек.

— Спасибо, братец Цино!

Слуга удивился:

— Ты что здесь забыла? Где твоя хозяйка?

Хозяйкой Ацилы была Салань, любимая наложница Мэн Хуаня.

— Она пошла к господину.

Цино кивнул и, не проронив больше ни слова, закрыл дверь. Ацила вернулась к кровати:

— Потерпите, господин Сун. Будет щипать.

— Ничего, — тихо отозвался Сун Чжи.

Когда с раной было покончено, он почувствовал, как проваливается в сон. Девушка, глядя на его изувеченное лицо, прошептала:

— Такое красивое лицо... будет жаль, если останется шрам. Молодой господин прислал хорошую мазь. Мажьте чаще, и всё заживет без следа.

Сун Чжи едва слышно поблагодарил ее. Как только Ацила ушла, он, даже не сменив грязную одежду, забылся тяжелым сном.

Удар чернильницей был страшен. Сначала он даже не почувствовал боли — лишь оцепенение и тепло крови. Но теперь, в тишине комнаты, рана начала неистово пульсировать. Боль отдавалась в висках, а при каждом моргании его тошнило.

Сун Чжи тихо вздохнул. «По крайней мере, этот удар не был напрасным, — подумал он. — Теперь Мэн Хуань трижды подумает, прежде чем снова поднять на меня руку».

Только почему с тех пор, как он встретил этого человека, его жизнь превратилась в череду ран и унижений? Мэн Хуань был его проклятием.

«Боги, как же болит голова...» — была его последняя мысль перед тем, как тьма окончательно поглотила сознание.

Проснулся он от настойчивого стука в дверь.

<http://bllate.org/book/17487/1694219>